

Учреждение Российской академии наук
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 16

МОСКВА
2010

Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 16. – М.: ЦЭМИ РАН, 2010. – 169 с. (Рус.)

Коллектив авторов: Акинфеева Е.В., Алешина Д.В., Афанасьев А.М., Афанасьев М.Ю., Бахтизин А.Р., Дементьев В.Е., Егорова Н.Е., Ерзнкян Б.А., Ерзнкян М.Б., Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е., Колесникова М.В., Красильникова Е.В., Левтонова О.В., Малышев В.Л., Мудрецов А.Ф., Никонова А.А., Павлов Р.Н., Сушко Е.Д., Торжевский К.А., Тухватуллина Л.Г., Шестаков В.А.

Шестнадцатый выпуск сборника включает два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 16. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2010. – 169 p. (Rus.)

The sixteen issue of the collection includes two sections: «Theoretical problems of economics and institutional reforms» and «Applied problems and praxis of institutional reforms in Russia».

Ответственный редактор – доктор экономических наук, профессор Б.А. Ерзнкян

Рецензенты: доктор экономических наук, профессор О.С. Сухарев
доктор экономических наук, профессор А.Е. Варшавский

ISBN 978-5-8211-0539-4

© Учреждение Российской академии наук Центральный экономико-математических наук РАН, 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	4
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.....	5
<i>Дементьев В.Е.</i> Эмоциональные факторы экономического развития.....	5
<i>Ерзнкян Б.А.</i> Экономика как синергетическая система: pro и contra.....	14
<i>Егорова Н.Е., Бахтизин А.Р., Торжеский К.А.</i> Концептуальная модель взаимодействия реального сектора и фондового рынка с учетом информационного фактора.....	28
<i>Мальшиев В.Л.</i> Инновации и сбалансированность экономики	37
<i>Павлов Р.Н.</i> Рост слияний и поглощений в процессе формирования нового технологического уклада	54
<i>Ерзнкян М.Б.</i> О векторе воздействия транзакционных факторов на экономический рост	58
<i>Левтонова О.В.</i> Сигналы в механизмах рыночной координации и справедливой торговли	63
<i>Колесникова М.В.</i> Психология элиты и инновации.....	77
<i>Красильникова Е.В., Никонова А.А., Шестаков В.А.</i> Новый подход к моделированию общественно-политических факторов влияния внешней среды на выбор стратегических решений	92
<i>Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е.</i> Семейная культура труда в системе формирования общего человеческого капитала.....	104
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ	111
<i>Афанасьев М.Ю., Афанасьев А.М.</i> Оценка эффективности мероприятий банка по рекламированию автокредитования.....	111
<i>Бахтизин А.Р., Тухватуллина Л.Г.</i> Оценка эффективности мер налогового регулирования инновационной деятельности на мезоуровне	131
<i>Сушко Е.Д.</i> Система мониторинга как необходимое условие реализации стратегии социально-экономического развития региона	137
<i>Мудрецов А.Ф.</i> Проблемы становления эколого-экономической безопасности в России	147
<i>Акинфеева Е.В.</i> Инфраструктурные элементы национальной инновационной системы России	153
<i>Алешина Д.В.</i> О необходимости учета культурных особенностей социально-экономического развития России.....	163
ЛИСТ АННОТАЦИЙ	165
ANNOTATION LIST.....	167
ОБ АВТОРАХ.....	169

ОТ РЕДАКТОРА

16-й выпуск сборника продолжает тему институциональных преобразований и экономического развития, базируясь на трудах сотрудников ЦЭМИ РАН и дружественных ему институтов. В нем представлены два раздела – «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Раздел 1 открывается статьей *В.Е. Дементьева*, посвященной оригинальной и интересной теме – эмоциональным факторам экономического, в особенности инновационного, развития. *Б.А. Ерзнкян*, отталкиваясь от новой книги Евстигнеевых, посвященных экономике как синергетической системе, приводит доводы в пользу и против такого подхода к экономике. *Н.Е. Егорова*, *А.Р. Бахтизин*, *К.А. Торжеский* представляют модель взаимодействия реального сектора и фондового рынка. Методологические вопросы инновационного развития и обеспечения сбалансированности экономики обсуждаются в статье *В.Л. Мальшева*. В статье *Р.Н. Павлова* рассматриваются вопросы М&А в процессе формирования нового технологического уклада. *М.Б. Ерзнкян* уделяет внимание транзакционным факторам экономического роста и направленности их влияния. *О.В. Левтонова* исследует роль сигналов применительно к двум формам координации – рыночной и справедливой. Тема статьи *М.В. Колесниковой* – психология элиты и инновации. В статье *Е.В. Красильниковой*, *А.А. Никоновой*, *В.А. Шестакова* предлагается авторский подход к моделированию влияния общественно-политических факторов влияния внешней среды на стратегический выбор. Завершает раздел статья *А.Д. Зарецкого* и *Т.Е. Ивановой*, посвященная семейной культуре труда в системе формирования общего человеческого капитала

Раздел 2 открывается статьей *М.Ю. Афанасьева* и *А.М. Афанасьева*, в которой оценивается эффективность мероприятий банка по рекламированию автокредитования по 33 городам России. *А.Р. Бахтизин* и *Л.Г. Тухватулина* оценивают в своей статье эффективность мер налогового регулирования на примере Республики Башкортостан. Статья *Е.Д. Сушко* посвящена системе мониторинга в качестве необходимого условия реализации стратегии регионального развития. *А.Ф. Мудрецов* посвящает свою статью теме эколого-экономической безопасности России. *And last but not least* рассматриваются элементы инфраструктуры НИС России (статья *Е.В. Акинфеевой*) и необходимости учета фактора культуры в развитии страны (статья *Д.В. Алешиной*).

Благодарю авторов за участие в сборнике, а также рецензентов – доктора экономических наук, профессора *Олега Сергеевича Сухарева* (ИЭ РАН) и доктора экономических наук, профессора *Александра Евгеньевича Варшавского* (ЦЭМИ РАН).

Б.А. Ерзнкян

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В.Е. Дементьев

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

1. Эмоциональная составляющая экономического поведения

Анализ того, в какой мере экономическая теория учитывает эмоциональную (от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) составляющую экономического поведения, эмоциональные факторы принятия решений, показывает, что, несмотря на возросшее внимание экономистов и социологов к теме эмоций¹, оно остается недостаточным. Между тем в сферах связанных с инновациями, неопределенностью, необходимостью принятия решений в условиях явного недостатка когнитивных и временных ресурсов, эмоциональный фактор принятия решений часто является доминирующим. Соответственно для таких областей поиск возможностей учета этих эмоций является ключевым².

Последствия подобного пренебрежения ими могут быть весьма отрицательны для социальной теории. По мнению Ходжсона, в объяснении формирования индивидуальных намерений обязательно должны присутствовать психологические механизмы. Если их нет, то возникает искушение сделать больший акцент на открытом принуждении и ограничении, а не на более тонких механизмах социального воздействия, не на самосозидании индивидов. Развитие теории институциональной динамики Ходжсон фактически связывает с раскрытием того, каким образом социальные институты могут формировать и воспроизводить индивидуальные цели и предпочтения, как отдельные индивиды приобретают или

* Статья подготовлена в рамках НИР по теме «Возможности повышения инновационной активности российского бизнеса в период глобальных технологических сдвигов и кризисов» (контракт от 23 марта 2010 г. №02.740.11.0589).

¹ См., напр.: Yu, Rongjun and Zhou, Xiaoling, Neuroeconomics: Opening the Black Box of Economic Behavior. // Chinese Science Bulletin, 2007. Vol. 52, № 9, pp. 1153-1161 (<http://ssrn.com/abstract=1021791>). Irons, Ben and Hepburn, Cameron, Regret Theory and the Tyranny of Choice // Economic Record, 2007. Vol. 83, № 261, pp. 191-203. Liu M., Wang, Ch. A Tale of Two Dimensions: Trust and Distrust as Two Distinct Mechanisms for Explaining the Influence of Emotions in Negotiation. Presented at the 22nd Annual International Association of Conflict Management Conference Kyoto, Japan June 15 – 18, 2009. Oliver R. Goodenough, Institutions, Emotions, and Law: A Goldilocks Problem for Mechanism Design, Vermont Law Review . 2009. Vol. 33. Goodenough O.R. Institutions, Emotions and Law: A Goldilocks Problem for Mechanism Design. Vermont Law School. Working Paper- November 2008. Fuchs M. Emotions and Emotion Work in Organisation Studies. 2007 (<http://ssrn.com/abstract=1280027>). Merkle Ch. An Interdisciplinary Approach to the Impact of Emotions on Financial Decision Making. 02/28/2007 (<http://ssrn.com/abstract=1097131>).

² Калмыкова И.Ю., Юдкевич М.М. Экономика и эмоции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3. С. 61–87.

изменяют свои верования, мотивы, цели или предпочтения³. В условиях, когда множество привычек, оказывающих сильное влияние на действия людей, бессознательны, концепции, связывающие деятельность индивидов лишь с их разумным сознанием, представляют искаженную картину действительности.

Это относится и к описанию экономической динамики. Удовлетворение от достигнутых результатов или недовольство текущим состоянием дел (статусом, доходом, доступом к информационным ресурсам) суть эмоции, обуславливающиеся включением фактора времени в экономический анализ⁴. Эти эмоции – побудительный фактор или стремления к сохранению существующей ситуации, или к ее изменению. Насколько корректно считать такого рода эмоции результатом умственного восприятия и переработки соответствующей информации?

Интересные с этой точки зрения результаты дают исследования, в явном виде рассматривающие эмоции радости и сожаления, эмоции удивления и эйфории как проявления реакции на реализацию того или иного исхода⁵. Так, теория удивления исходит из того, что сюрприз является дополнительным источником полезности. В этой теории присутствующие человеку когнитивные и эмоциональные процессы трактуются как исключаящие друг друга. Чем больше времени было потрачено индивидом на обдумывание того или иного решения, тем меньшую ценность будет представлять для него неожиданно приятный исход. Непосредственное отношение к эволюции социально-экономических систем имеет вывод теории удивления о том, что сюрприз – первый шаг к корректировке текущей ментальной модели. Чем чаще мы удивляемся происходящим вокруг нас событиям, тем неизбежнее мы пересматриваем существующие ментальные модели⁶. Удивление, сюрприз, чудо предстают факторами преодоления институциональной инерции. Однако, если ментальная модель приемлет определенные чудесные явления, то они могут укреплять такую ментальность.

На то, что доводы рассудка и эмоции играют отличающуюся роль при разной ментальности, констатируется социальной психологией. Образованные или обладающие аналитическим умом люди скорее откликаются на доводы рассудка, нежели менее просве-

³ Hodgson G. M. Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // *Organization Studies*. 2007. Vol. 28. No.1. P. 95-116.

⁴ Калмыкова И.Ю., Юдкевич М.М. Экономика и эмоции // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2006. Т. 3. № 3. С. 82.

⁵ Bell D. Disappointment in Decision Making under Uncertainty // *Operations Research*. 1985. 33 (1). 1–27. Bell D. Regret in Decision Making under Uncertainty // *Operations Research*. 1982. 30 (5). 961–81. Brandstatter E., Kuhberger A., Schneider F. Surprise in Decision Making Under Risk // *Conference Proceedings for the 24th IAREP Conference*, 1999. Hermlin B., Isen A. The Effect of Affect on Economic and Strategic Decision Making. *Economics Working Papers E99–270*. University of California at Berkeley, 1999. Kimball M., Willis R. Utility and Happiness. Working Paper. University of Michigan, 2006. Loomes G., Sugden R. Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty // *The Economic Journal*. 1982. 92 (368). 805–24.

⁶ Brandstatter E., Kuhberger A., Schneider F. Surprise in Decision Making Under Risk // *Conference Proceedings for the 24th IAREP Conference*, 1999.

щенные или менее склонные к аналитическому мышлению⁷. Социальная и экономическая нестабильность особенно благоприятна для воздействия на тех, кто не вникает в суть непростых обстоятельств и ограничивается их поверхностным объяснением. Стресс и эмоциональное возбуждение ослабляют внимание и делают людей более восприимчивыми к неубедительным аргументам⁸.

Таким образом, эмоциональный фактор, с одной стороны, может служить преодолению институциональной инерции, с другой, способен открывать простор для манипулирования институциональным развитием. Так из кризисных 1930-х Германия и США при сопоставимой технологической базе вышли на весьма отличающиеся институциональные траектории. Учет эмоциональной подоплеки весьма важен для осмысления социально-экономических преобразований, сопровождающих и во многом обеспечивающих выход экономики на новые технологические рубежи.

2. Эмоциональная подоплека смены «технико-экономических парадигм»

Довольно широко признано, что мировая экономика стоит на пороге новой технологической революции, которую связывают с широким использованием нано-, био- и информационно-коммуникативных технологий. Однако реализация потенциала принципиально новых технологий, как правило, требует радикального пересмотра ориентиров и приемов наилучшей хозяйственной практики, того, что К.Перес называет «технико-экономической парадигмой». Когда эти ориентиры становятся общепринятыми, они определяют «здоровый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт, формируют культуру соответствующего периода. Изменения, вызванные технологической революцией, не ограничиваются экономикой, а проникают в сферы политики и даже идеологии. Эти сферы, в свою очередь, влияют на то, в каком направлении потенциал революции будет развиваться. Чтобы члены социума могли бы насладиться потенциалом новой парадигмы, должны произойти мощные изменения в их ментальности, инвестиционном поведении, в организационных моделях, максимизирующих эффективность, и институтах, обеспечивающих их существование и поддержку социально-экономических процессов⁹.

Несомненной заслугой теории долгосрочного экономического развития является обоснование того, что принципиальные не только технологические, но и социально-экономические перемены – это достояние не только прошлого. Такие перемены – необходимый элемент исторического процесса. Они предопределены логикой общественного развития, предстающей в виде последовательной смены технико-экономических пара-

⁷ См., например, Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 299.

⁸ Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. С. 324.

⁹ Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002.

дигм. О конце истории нельзя говорить не только для отстающих в развитии стран, но и для стран-лидеров.

В ходе рыночных реформ большинство населения России испытало шоковое приобщение к пока еще господствующей в индустриально-развитых странах технико-экономической парадигме. Освоение отвечающей этой парадигме наилучшей практики до сих пор далеко от овладения приемами инновационной конкуренции, в значительной мере сфокусировано на маркетинга деловых и не только деловых связей, на монетаризации социальных отношений.

Между тем, очередная смена технико-экономической парадигмы в рамках разворачивающейся технологической революции сулит нашей стране новую ломку хозяйственных и ценностных ориентиров. Затягивание их ревизии будет чревато закреплением страны на периферии мирового экономического развития. С другой стороны, к большим потерям способно привести и очередное игнорирование рациональной преемственности в этих ориентирах при излишне радикальном их развороте.

Каким образом происходит смена технико-экономических парадигм, соответствующих общественных институтов? Ответ на этот вопрос имеет специфику для лидирующих и менее развитых стран. Однако он весьма важен и для тех, и для других. Обновление парадигмы открывает перед отстающими странами новые возможности для того, чтобы догонять, а то и обгонять, если лидеры подвержены избыточной инерции. Поэтому способность к опережающему других пересмотру ориентиров и приемов наилучшей хозяйственной практики является принципиальным условием достижения или удержания ведущих позиций.

Такого рода способность к обновлению институтов во многом является заложницей уже существующей системы институтов. Как писал Веблен «Социальные институты, не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие или господствовавшие типы отношения и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которое образует особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора»¹⁰. Поэтому институциональная система с низкими адаптивными возможностями склонная к воспроизводству такого своего качества. Здесь можно говорить об институциональной ловушке на системном уровне.

Вместе с тем, страны самым ходом мирового технологического развития оказываются перед выбором: или малоперспективное движение по инерционной траектории, или сход с этой траектории за счет институционального маневра. От каких факторов зависит развитие событий в точке бифуркации, преобладание в созидательном разрушении первой, а не второй составляющей? Возможно ли и при каких условиях существенное повы-

¹⁰ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 200.

шение адаптационных качеств институциональной системы в ходе указанного маневра? В какой мере его радикальность определяется глубиной и продолжительностью экономического кризиса? Все эти вопросы побуждают к более пристальному вниманию к эмоциональной подоплеке смены технико-экономических парадигм и социальных институтов.

Их обновление может происходить несколькими путями.

Первый путь – спонтанное развитие приемов ведения бизнеса и социальных правил с последующим естественным отбором и закреплением в качестве общих ориентиров хозяйственной практики и социальных институтов. Если Алчяном¹¹ этот путь рассматривался как достаточно функциональный, то Норт¹² показал возможность формирования в результате естественного отбора и неэффективных институтов.

Второй путь – целенаправленное формирование институтов. Оно допускает множество вариаций по степени и способам вовлеченности в этот процесс различных социальных групп: от многостороннего сближения взаимных ожиданий этих групп относительно основных прав и свобод до институционального переоформления своего представления о балансе интересов доминирующей социальной группой.

Третий путь, во многом пересекающийся со вторым, – заимствование институтов. При этом образцами для заимствований обычно выступают институты, продемонстрировавшие свою эффективность в более успешных экономиках.

Реальное развитие институтов идет по комбинированной траектории. Для переходных экономик особенно актуально использование институционального опыта передовых стран. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что рациональное заимствование (трансплантация) обеспечивает ускорение социально-экономического развития стран¹³.

В эмоциональном плане велик соблазн копировать самые современные институты из наиболее эффективных экономик. Речь идет о пропуске реципиентом промежуточных этапов развития и копировании в качестве стартовых позиций передовых форм институтов. Однако, как аргументирует Полтерович, такая «шоковая» трансплантация имеет меньше шансов на успех по сравнению с заимствованием промежуточных форм институтов. Ориентиром могут быть те их формы, которые показали свою работоспособность, когда условия в стране-доноре были близки к условиям в стране-реципиенте.

Каждый из вариантов обновления общественных институтов сопряжен со своими трудностями, но в любом случае в той или иной мере подвергаются ревизии правила, хозяйственные и ценностные ориентиры. Чем глубже укоренились эти ориентиры, тем значительней роль, которую в отказе от прежних и обретении новых ориентиров играют эмоциональные факторы.

¹¹ Alchian A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. V. 58.

¹² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/ Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

¹³ Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007; Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3.

Это верно даже применительно к научному сообществу, призванному обеспечить теоретическое оформление здравого смысла, отвечающего актуальной технико-экономической парадигме. Наивысшие достижения в этом деле, как правило, появляются в результате сочетания ремесла и вдохновения. Тем драматичней бывает пересмотр прежней системы взглядов и теоретических положений. Аргументы, опирающиеся на другую систему взглядов, весьма часто не воспринимаются оппонентами. В таких ситуациях лишь эмоциональное потрясение способно побудить к отходу от прежних убеждений и теорий.

Не секрет, что такое потрясение испытали некоторые искренние сторонники плановой системы, погрузившись во время заграничных командировок в западное потребительское изобилие. Для части наших сограждан, привыкших жить при «развитом социализме», весьма неожиданным и поэтому особенно эмоционально влиятельным оказалось заключение Андропова о том, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся»¹⁴.

В этой связи представляется односторонней вебленовская оценка иррационального лишь как консервативного фактора экономического развития¹⁵. Как известно, позитивное социальное переустройство Веблен видел в переходе власти от «мира бизнеса» (праздного класса) к «миру индустрии», ведущая роль в котором принадлежит инженерно-техническому персоналу. Однако такое изменение социальных позиций не сводится к воплощению миром индустрии рациональных решений, опирающихся на его действительное знание. Здесь требуется ломка мировоззренческих установок и привычек этого мира находиться в подчиненном положении у мира бизнеса. Без мощных эмоциональных импульсов подобная ломка вряд ли возможна.

3. Кризисы ожиданий

Жизненный цикл технико-экономической парадигмы может сопровождаться несколькими кризисами ожиданий. Такие кризисы формируют благоприятный эмоциональный фон для поисков технологических и институциональных инноваций.

Кризис, начавшийся в 2007 г., не без оснований связывают как с существенным снижением интенсивности потока технологических инноваций, поскольку действующие технологии широкого применения уже, в основном, исчерпали свои возможности как мотор экономического роста, а новые пока не готовы взять на себя эту роль, так и с не оправдавшимися ожиданиями быстрого долговременного роста мировой экономики. Как указывает Полтерович, для таких ожиданий были основания¹⁶. В последние тридцать лет мировая экономика действительно быстро росла. Нередко высказывалось мнение о том,

¹⁴ Андропов Ю.В. Речь на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года.

¹⁵ Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.

¹⁶ Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6.

что механизм роста изменился, и что наступила эра бескризисного развития. В это, видимо, верили не только инвесторы, но и регуляторы. Среди исследователей, участников рынка и политических деятелей была распространена точка зрения, согласно которой острые финансовые кризисы либо являются делом прошлого, либо относятся к «волатильным» возникающим рынкам. Выявившаяся ошибочность такого рода представлений заставляет усомниться в эффективности ряда институтов стран-лидеров мировой экономики. Однако некоторое время интенсивность инновационных поисков в институциональной сфере значительно уступает поискам в технологической сфере. Институциональные потребности очередной технологической революции остаются пока столь же неопределенными, сколь расплывчаты и контуры, пропорции будущей технологической базы производства.

Следует, однако, учитывать, что кризисы ожиданий подстерегают экономическое развитие не только на закате жизни технико-экономических парадигм. Важным является, в частности, период, когда начинает исчерпываться эффект от внедрения новых технологий в зрелые отрасли. Еще один заслуживающий внимания период наступает при стабилизации синергического эффекта от кластеризации новых технологий. Следует отметить и время перехода от масштабной экспансии новых технологий к стадии заполнения ими относительно мелких рыночных ниш, к развитию на основе улучшающих инноваций. Предшествующие этим периодам достижения способны породить завышенные ожидания дальнейшего быстрого наращивания возможностей производства.

Первый переломный момент наступает, когда начинает снижаться ресурсная подпитка новых технологий за счет спроса со стороны зрелых отраслей. Возникает ситуация, при которой вопрос об изменении институциональной системы начинает приобретать острый характер. Обновленная система призвана обеспечить накопление ресурсов для развития новых технологий на собственной ресурсной базе, закрепить соответствующее понимание наилучшей бизнес-практики.

В США потребность в обновлении институциональной системы выявилась к 1980-м гг., когда существующая система обнаружила выдыхающуюся способность поддерживать развитие как передовых, так и базовых отраслей. Период перестройки экономической структуры, подготовки к росту на основе информационных технологий занял в условиях рейганомии несколько лет. Вместе с тем, начавшийся в 1983 г. экономический подъем происходил во многом не на основе наращивания инвестиций, а за счет рекомбинирования экономических ресурсов, за счет синергического эффекта от комплексного перехода к новым технологиям сопряженных производств, от кластеризации новейших технологий. Процессы рекомбинирования сопровождалось значительными корректировками оценок активов фондовым рынком, что усиливало риск инвестиций в реальные активы. Снижение инвестиций в них в этот период происходило на фоне возрастающей интенсивности биржевых операций и при широком вовлечении в биржевую игру иностранных инвесторов. С

1982 по август 1987 г. промышленный индекс Dow Jones практически утроился. Ожидания дальнейшего удорожания акций подкреплялись пятью годами беспрерывного роста экономики США. Однако эмоциональный страх потерять все подталкивает игроков к паническому реагированию на негативную информацию. Так обеспокоенность инвесторов несбалансированностью американской экономики способствовала обвалу основного фондового индикатора США Dow Jones на 22,6% в «черный понедельник», 19 октября 1987 г.

В 1980-е гг. выявилась и обратная сторона рекомбинирования ресурсов посредством операций на фондовом рынке. Свой вклад в разогрев фондового рынка сносят скупающие акции с целью финансового шантажа (*greenmail*). Цель гринмэйла – либо получение отступных в имущественной или неимущественной форме за отказ от претензий, либо продажа скупленного пакета акций по завышенной цене если не заинтересованным собственникам, то на рынке, пользуясь созданным самими шантажистами ажиотажем.

Следующий переломный период связан с исчерпанием эффекта масштабов при развитии новых и модернизированных производств, что сигнализирует о достижении фазы зрелости технологического жизненного цикла. Для этого периода характерно перенасыщение рынка. Стремление к расчистке рынков, к дальнейшему наращиванию эффекта масштабов побуждает к мерам по расширению потребительского спроса. Складывающаяся ситуация может подталкивать к снижению социальной дифференциации в обществе, особенно, если в период наращивания производственных мощностей она достигла вызывающих общественное негодование размеров. Соответствующие меры способны порождать у массы потребителей ожидания устойчивого роста своего благосостояния. Однако оно имеет свои пределы, определяемые как технологическими, так и институциональными обстоятельствами. Таким образом, неоправданный оптимизм, оборачивающийся в дальнейшем разочарованиями, может наблюдаться не только в бизнес-среде.

Кризис ожиданий, вызывающей критическое отношение к системе существующих институтов, способен возникнуть даже на фоне растущего потребления, если его увеличение отстает от выросших на ожиданиях запросов¹⁷. На это обратил внимание еще Токвиль. Ссылаясь на пример Французской революции, он отметил, что «к революциям не всегда приводит только ухудшение условий жизни народа. Часто случается и такое, что народ, долгое время без жалоб переносивший самые тягостные законы, как бы не замечая их, мгновенно сбрасывает их бремя, как только тяжесть его несколько уменьшается. Общественный порядок, разрушаемый революцией, почти всегда лучше того, что непосредственно ей предшествовал, и, как показывает опыт, наиболее опасным и трудным для правительства является тот момент, когда оно преступает к преобразованиям. Только гений может спасти государя, предпринявшего попытку облегчить положение своих подданных после длительного угнетения. Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится не-

¹⁷ Вятр Е.. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. С. 308.

переносимым от одной только мысли, что его можно избежать. И кажется, что устраняемые злоупотребления лишь еще сильнее подчеркивают оставшиеся и делают их еще более жгучими: зло действительно становится меньшим, но ощущается острее. Феодализм в самом своем расцвете никогда не вызывал у французов такой ненависти, как в канун своего падения»¹⁸. При этом, как отметил Токвиль, жалобы на сложность административного механизма становились все настойчивее непосредственно перед Революцией не потому, что политические институты сделались хуже; напротив, они значительно улучшились.

Целесообразно учитывать роль подобных эмоциональных обстоятельств, связанных с кризисом ожиданий, при анализе развития экономических институтов – как в рамках жизненного цикла технико-экономической парадигмы, так и при смене этих парадигм.

Фактором обращения к новым истинам могут быть как кризисы (включая кризисы ожиданий), так и чудесным образом обретаемые блага. Демонстрация возможностей, не имеющих рационального объяснения, известный прием повышения доверия к осуществляющему такие чудеса и, в этой связи, к его учению. Достоинство уважения, когда такие способности используются во благо. Сложнее ситуация, когда чудеса только обещаются и эти обещания служат эмоциональным рычагом для разрушения сложившихся устоев. За такими обещаниями могут скрываться как способствующие социально-экономическому развитию, так и заводящие его в тупик планы.

Выявление тенденций, действительно определяющих формирование новой технико-экономической парадигмы, соответствующих ей институтов – весьма сложная задача. В сложившихся условиях отвечающие новой парадигме идеи могут и, как правило, выглядят несерьезными. Подобное вообще характерно для радикальных инноваций или, по выражению Кристенсена, «подрывных» технологий. На первых порах они воспринимаются как ненужные потребителями, приносящими большую часть дохода ведущим компаниям.¹⁹ Успешным компаниям с хорошими менеджерами по-настоящему трудно делать то, что не соответствует их модели зарабатывания денег. «Подрывные» технологии редко представляются приоритетными как раз в то время, когда инвестиции в них особенно важны, поэтому привычная мудрость менеджеров зрелых фирм и оказывается тем барьером, который возводится перед предпринимателями и инвесторами.²⁰ Всегда велик риск, что конкретная идея о характеристиках продукта или рыночных приложений «подрывной» технологии окажется нежизнеспособной.

¹⁸ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Моск. философский фонд, 1997. С. 141.

¹⁹ Кристенсен Клейтон М. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 16.

²⁰ Там же. С. 232.

ЭКОНОМИКА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: *PRO* И *CONTRA**

Экономика во все большей степени превращается из науки о выборе в науку о действиях, трактуемых весьма специфично. Одна из логических цепочек оперирования с действиями (действие – взаимодействие – трансдействие – трансакция) приводит к экономической теории трансакционных издержек. Базируясь на трансакции как единице анализа, один из родоначальников этой теории Оливер Уильямсон сумел построить и довести до практического применения целостную систему взглядов на экономическую организацию¹, принесшую ему заслуженно Нобелевскую премию. Но трансакция в его понимании выступает, по сути, понятием весьма статичным. Правда, Уильямсон делает разграничение между действиями до заключения контракта и после него, увязывая с ними понятия *ex ante* и *ex post* трансакционных издержек соответственно, но сути дела это не меняет: время в теории экономической организации, по существу, отсутствует. Другая логическая цепочка (действие – содействие/взаимодействие – синергия), акцентируя внимание на переменах и времени, приводит к иному пониманию совместного действия – здесь важна не только или не столько динамика, получаемая простым учетом (обратимого) времени, а синергетика явления, заключающаяся в становлении как феномене, проявляющемся благодаря введению в рассмотрение необратимого времени. Отличие синергетики от динамики проявляется в том, что [квазистационарный, в экономике опирающийся на ключевую концепцию «невидимой руки»] подход к анализу динамических процессов «является эффективным лишь до поры до времени, пока, в силу некоторых причин, характер стационарного состояния не изменится кардинальным образом»².

В целом рассмотрение феномена синергии применительно к экономике осуществляется в рамках синергетической экономики – экономической теории, формулируемой в терминах и/или рассматриваемой через призму синергетики – науки о коллективных статических и динамических явлениях в закрытых и открытых многокомпонентных системах с кооперативным взаимодействием между элементами системы³.

Экономика в таком случае выступает объектом приложения синергетических понятий: ход мышления, если свести его к формуле, идет *от синергетики к экономике*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-02-00126а, проект № 09-02-54609а/Ц).

¹ См., напр.: Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, "отношенческая" контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996; Williamson O.E. Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications. – New York: Free Press, 1975; Williamson O. Transaction Cost Economics and Organization Theory // Industrial and Corporate Change. 1993. Vol. 2. No. 2. PP. 107-156.

² Лебедев В.В., Разжевайкин В.Н. Предисловие редакторов перевода. – В кн.: Занг В.-Г. Синергетическая экономика: Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999. С. 6.

³ Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980; Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985; Занг В.-Г. Синергетическая экономика: Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999.

При всей на первый взгляд похожести (те же термины и понятия – бифуркация, странный аттрактор, диссипативная структура, катастрофа, энтропия и др.) экономическая синергетика, развиваемая в трудах Евстигнеевых, принципиально отличается от традиционных работ по синергетической экономике, базируясь на логике хода мыслей, прямо противоположной приведенной выше, а именно: *от экономики к синергетике*.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к книге Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева (2010)⁴. Она, подытоживая во многом результаты их предыдущих трудов по данной тематике, включает в себя два раздела – первый «Синергетические основы экономической системы» и второй «Трансформация и мировой финансовый кризис».

Начинается первый раздел с представления синергетики, но не как нового междисциплинарного научного направления, изучающего сложные системы с возможностью реализации в них коллективных явлений, а как новой научной парадигмы – в противовес распространённому убеждению об инструментальном характере этой науки (гл. 1). Для синергетики, отмечают авторы, неприемлем поиск элементарных рыночных структур, или экономических клеточек, «как зародышей сложного рынка с развитым макроуровнем»: ее следует искать «на границе между макроэкономическими системными понятиями рыночного и социального». Такой подход подводит к представлению структуры в виде системы социально-экономических субъектов рынка, обладающих «фрактальным подобием функций – эмитента, инвестора, производителя, потребителя»⁵.

Позиция наделения субъектов социальным содержанием, превращением его в самостоятельную субъективную сущность в противовес объективации (превращения человека в портфельного инвестора, бизнеса – в репрезентативную фирму), являющаяся для авторов одной из отправных точек построения теории, нам особенно близка⁶.

Сложные социально-экономические системы можно уподобить, вслед за Шекспиром, сцене, на которой играют мужчины и женщины (*All the world's a stage, / and all the men and women merely players*), принадлежащие как к социальному, так и экономическому миру. Что же это за сцена/театр? *Первое* объяснение заключается в отсылке к театру с двумя сценами – одна для социального и другая для экономического представления, на которых выступают актеры, называемые социальными и экономическими людьми соответственно. Это означает, что экономика и социальные науки рассматриваются в качестве взаимодополняющих сфер деятельности (*complements*). *Второе*, имеется лишь одна сцена, на которой играют либо социальные, либо экономические люди. Соответственно можно говорить о социальном или экономическом «империализме». Это случай, когда экономика

⁴ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД, 2010.

⁵ Там же. С. 7–8.

⁶ См., напр.: Ерзкян Б.А. Институциональная реальность социально-экономических систем и концепция институционального человека // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения. VI Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пущино, Московская обл., Россия, 23-24 сент. 2005 г. М.: Институт экономики РАН, 2006.

и социальные науки выступают как конкуренты (*competitors*). Третье, имеется только одна сцена, сложная, комплексная по своей природе, на которой выступают люди, принадлежащие как к социальному, так и к экономическому миру. Они суть со-миры, и могут рассматриваться как сообщники (*accomplices*). Теория, призванная описать социально-экономическую систему, ассоциируемую со сложной сценой, где играют актеры обоих миров, должна быть комплексной, чтобы достичь поставленных целей. Институциональная экономика является хорошим примером социально-экономической или просто реалистической теории наряду с дюжиной родственных теорий, которые стараются гармонизировать экономический и социальный подходы для решения проблем реального мира⁷.

Вопрос, на который мы пытаемся ответить: является ли синергетика как парадигма *versus* инструмент одной из упомянутой «дюжины родственных теорий» или Евстигнеевым удалось, если и не построить, то нащупать путь, ведущий к универсальной (в рамках сказанного выше) теории, названной нами «комплексной» и ассоциируемой, в известном смысле, с «экономической синергетикой»?

Наш ответ (и надеемся, читатель с этим согласится): универсальный характер экономической синергетики, которая «делает самые первые шаги», – вот что вдохновляет Евстигнеевых, вот что ими движет и вот, собственно говоря, почему их книга и начинается с придания синергетике нового – не инструментального, а парадигмального – звучания.

В гл. 2 освещаются методологические и теоретические аспекты экономической синергетики. В ней авторы формулируют восемь тезисов, выявляющих «требования Бытия к своей превращенной форме» и обозначающих «ответную траекторию развития экономической синергетики как методологии, равной ... раскрытию синергетической научной парадигмы»⁸.

Суть этих тезисов такова:

1) внутри синергетической макроэкономики должна быть проведена граница между сферой действия обратимого классического времени, или сферы каузальных линейных связей, и сферой необратимого эволюционного времени и нелинейных взаимодействий;

2) должны быть определены уровни с точки зрения способов включения человека в экономику (либо как исторически конкретного индивида, являющегося субъектом стохастической микроскопической сферы, либо как функционального рыночного субъекта – участника макроскопической сферы);

3) в макроэкономике как целостной синергетической системе имеется структурная граница, проходящая между текущим рынком и стратегическим;

4) проводится граница между центром и региональной сферой, интерпретируемой как формирование территориальных инвестиционных кластеров;

⁷ Ерзникян Б.А. 2006.

⁸ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. 2010. С. 22.

5) становление синергетической рыночной макроэкономики открывает новые возможности глобализации;

6) способность классической науки видеть противоположность объекта и субъекта, равно как и их тождество, реализуется вне алгоритма становления, или самоорганизации, посредством концентрации внимания на начальных и замыкающих точках календарно заданного периода;

7) синергетика позволяет отойти от линейной совокупности материальных и институциональных факторов экономического роста, взятых по отдельности, а также в сумме разных ракурсов – структурного и геополитического;

8) экономическая синергетика свойства новой научной парадигмы проявляет нагляднее, чем синергетика *per se*, демонстрируя собой следующий шаг в развитии сложных систем в экономике и социальной сфере⁹.

Опираясь на синергетическую методологию, авторы обращаются к концептуальному содержанию экономической синергетики, трактуемой ими в качестве теории рыночной макроэкономики (гл.3). Такая трактовка позволяет, по мысли авторов, обрести конструктивную основу для обнаружения экономической синергетикой всех своих свойств. Здесь же авторы делают примечательное признание, что *становление* (ключевое слово для экономической синергетики!), проявляемое в России в виде рыночной трансформации, буксует, то о ней можно говорить только как о скрытой потенциальной тенденции.

В 4-й главе рассматриваются вопросы синергетического динамического потенциала и свободы выбора типов экономического роста вкупе с исследованием становления российской экономики как синергетической системы. Исследуя, в числе прочих, роль производительного (регионального) капитала, авторы останавливаются на кластерах, трактуемых ими в качестве элементов «иерархической системы рынков во главе с рынком стратегических инвестиций». Позиция их такова: «при всей актуальности института пространственной кластеризации как все еще феномена плоскостного (сетевое) рынка, более обещающей перспективой является формирование *инвестиционных кластеров*, способных объединить корпоративные и региональные (и межрегиональные) интересы с интересами центра». Два момента подчеркиваются авторами. Первый – нельзя кластерную структуру «рассматривать вне проблемы оборота национального дохода, сопряженного и подчиненного кругообороту финансового капитала в рамках БКЦ»; кластер выступает в роли носителя «импульса к рыночной экспансии *внутри* синергетической структуры рыночной макроэкономики». Второй момент – «роль кластера в таком развитии отраслевых комплексов *абв*, когда даже в рамках выбора приоритетного топливного энергетического комплекса *а* экономика поддерживает выбор рыночной экспансией, а не инвестиционным истощением экономики ради избранной структуры»¹⁰.

⁹ Там же. С. 22–25.

¹⁰ Там же. С. 89–90.

Последняя глава первого раздела посвящена вопросам инфляции в контексте эволюции денег. Авторами обосновывается позиция, согласно которой инфляция, принадлежащая сложному рынку, имеет разные ступени сложности: 1) необходимость оптимизации совокупности отраслевых комплексов (проблема стратегического выбора); 2) необходимость оптимизации системы транзакций (когерентность); 3) необходимость диверсификации инвестиционного и потребительского рынков (массовость); 4) необходимость формирования ядра рыночной самоорганизации в целях оптимального решения стратегических и текущих проблем в их взаимосвязи (банковская коалиция)¹¹.

Второй раздел, несмотря на, казалось бы, прикладное название продолжает в целом тему первого раздела. В полном соответствии с центральной для синергетики идеей становления авторы исследуют трансформационное содержание мирового кризиса (гл.1), обращая внимание не на анализ принимаемых мер по выходу из кризиса, а на его объективное содержание. В их представлении «выход из экономического кризиса» является собой трансформацию, направленную «на становление *новой* экономики, институциональные структуры которого сводимы к большому Кондратьевскому циклу (БКЦ)». Авторы аргументируют невозможность ограничения финансового кризиса процессами на фондовых и денежных рынках, равно как и неприменимость тотального подхода, трактующего «экономику чем-то вроде домашнего хозяйства государства». Задача, которую они себе ставят, кроется в попытке «осмыслить финансовый кризис как кризис общесистемный, трансформационный, как естественное завершение предыдущего БКЦ и вхождение в новый цикл (1990–2050)»¹². При этом, если мировой кризис времен Великой депрессии (30-е гг. прошлого века) «означал трансформацию экономики производительного капитала в экономику денежного капитала», то подступы настоящего кризиса (70-е гг.) «были отмечены трансформацией денежного капитала в валютно-денежный капитал, ставший базисом глобальной экономики». В итоге, на рубеже прошлого и нынешнего веков «началось формирование предпосылок качественного перехода от валютно-денежной формы стоимости к финансовой форме», а ныне имеет место становление «поведенческой системы с приоритетом стратегического рынка» – «на базе инвестиционной кластерной системы»¹³.

Подчеркнем, что смысл авторского объяснения кризиса базируется не на линейной (технологичной), а на нелинейной (социальной) ее трактовке вкуче с мыслью о том, что «переход от линейности к синергетике кардинально изменяет не только рынок, но и общество в целом (в сумме всех сфер и форм жизнедеятельности)»¹⁴.

Далее они останавливаются на проблемах «рационализации – трансформации – становления» (гл. 2), увязывая рационализацию с механизмом конкуренции, трансформацию с разными аспектами внутренней эволюции, становление с бифуркациями. При этом

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Там же. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 130.

отмечается, что «рационализация в рамках финансовой формы стоимости равнозначна трансформации», которая в свою очередь «в рамках нелинейного рынка равнозначна становлению», поскольку «сводится к взаимодействиям фаз БКЦ как бифуркаций от одного типа экономического роста к другому (интенсивный тип – интенсивно-экстенсивный – экстенсивно-интенсивный – диверсифицированный экстенсивный)»¹⁵. Особо стоит сказать специфичности сложившейся в российской экономике структуры открытого рынка, в котором «приоритетным контуром является валютно-денежный» – «в отличие от традиционного рынка, где финансово-денежный контур консолидирует механизмы и факторы экономического роста капитала и, соответственно, национального рынка». В таком понимании, российская экономика предстает так, словно она «вывернута наизнанку»¹⁶. Авторы определяют российский тип экономики как бюджетный (он подробно анализируется в 3-й главе). Российская бюджетная экономика является органической частью мировой глобальной системы.

При осмыслении мировой глобальной системы авторы прибегают к концепции контуров американского экономиста Х.Минского¹⁷. В соответствии с ней, «глобальная денежная экономика (и соответствующая валютно-денежная форма стоимости) формирует в странах два контура, представленных» двумя оборотами. Первый из них охватывает финансово-денежные рынки «во главе с Большим Банком (системой банков и других)», второй – валютно-денежные рынки «во главе с Большим Правительством (предполагается формирование госбюджета и внебюджетных финансовых фондов)»¹⁸.

Как показывают Евстигнеевы, контуры служат конструктивным базисом формирования в глобальной экономике двух взаимосвязанных потоков развития, называемых в работе двумя глобальными типами экономического роста – инфляционным и дефляционным. Инфляционный основан на бюджетном потенциале с Центробанком в качестве главного регуляторного рыночного института (Россия), дефляционный базируется на кредитном потенциале с фондовым рынком в качестве главного регулятора (США).

После анализа глобальных типов экономического роста авторы останавливаются на двух ошибках мирового сообщества. Первая гласит: «совершенно неверно, что правильное – это всегда очевидное», применительно к мировому финансовому кризису означая, что считать его финансовым кризисом ошибочно, поскольку на самом деле «мировой финансовый кризис – это кризис денежного капитала». Вторая ошибка «носит идеологический характер», восходящий к парадигме неолиберального государства. Общество должно осознать, что «выход из мирового финансового кризиса не есть коррекция функционирования неолиберальной экономической и политической системы», и что, как сви-

¹⁵ Там же С. 140.

¹⁶ Там же. С. 144.

¹⁷ *Minsky H. The Financial Instability Hypothesis. / Working Paper No 74. The Jerom Levy. Economics Institute. Aldershot, 1993.*

¹⁸ *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. 2010. С. 158–159.*

детельствует кризис, «экономика достигла своего потолка и требует отказа от линейной модели точечной и стихийной самоорганизации рынка и перехода к системной нелинейной, синергетической модели»¹⁹.

Далее авторы книги освещают пути выхода из мирового финансового кризиса, характеризуя выход как проблему единства инфляционного и дефляционного типов экономического роста (гл. 4).

Завершается раздел и вместе с ним книга исследованием ментальности как экономико-синергетического феномена (гл. 5). Сам феномен раскрывается в трех аспектах: 1) ментальность в контексте социально-политических и общекультурных предпосылок становления и функционирования синергетической экономики; 2) роль и место экономической синергетики в формировании нового либерального общества и новой ментальности; 3) участие ментальности в рыночной самоорганизации.

В соответствии этими аспектами ментальность трактуется, во-первых, как единство мировоззрения, социально-политических и моральных традиций. Авторы приходят к выводу, вслед за Е.Г. Ясиным²⁰, что «рано или поздно новая рыночная практика породит новую ментальность»²¹. Соглашаясь с Е.Г. Ясиным, что «процесс рыночной трансформации должен включать и сознательную политику формирования ментальности», авторы делают две оговорки. Одна из них относится к тому, что затяжной сам по себе процесс изменения ментальности через рыночную практику относится к линейному миру, применительно же к экономической синергетике с ее принципиальной нелинейностью «сознание должно формироваться, начиная не с азбуки, а прямо с обращения к *сложным текстам*». Общественное сознание активно воздействует на отдельного человека, поскольку навязывает ему *видение «через очки системной рыночной практики»*, не сводимой к *просто рыночной практике*. В результате, «соединение таких свойств рынка, как системность и массовость, само по себе резко меняет общественное сознание, делая для него интересной и вдохновляющей коммуникативную практику». Необходимость в другой оговорке вызвана слишком прямолинейным соединением у Е.Г. Ясина ментальности и православия, что вызывает у авторов сомнение, но не в смысле содержательной постановки вопроса, а в степени и форме «соединения неопределенного состояния ментальности в настоящее время с традициями православного мировоззрения»²².

Во-вторых, авторы, справедливо полагая, что «вряд ли нужно специально доказывать, что в рыночной макроэкономике не может действовать примитивный конкурентный рынок», приходят к примечательному выводу о роли и месте экономической синергетики в формировании нового либерального общества и новой ментальности. Оказывается, ее уникальность «проявляется в том, что ментальность общества в целом и отдельного чело-

¹⁹ Там же. С. 172–173.

²⁰ Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С.21.

²¹ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. 2010. С. 245.

²² Там же. С. 246.

века становится не дополнительным по отношению к экономике социальным феноменом, а обязательным экономическим компонентом социально-экономической системы»²³.

И, наконец, в-третьих, ментальность рассматривается авторами в качестве проблемы самоорганизации общества, выступая экономическим феноменом, выражающим «антропологический подход к исследованию экономики синергетического типа». Иными словами, они видят «в синергетике культурную цивилизаторскую функцию защиты человека, общества и природы», что объясняется снятием в развиваемой ими теории противостояния «человек – субъект». И хотя авторы трактуют экономическую синергетику как теорию «социально-экономических отношений людей живых, мыслящих, наделенных разным мировоззрением, характером и волей»²⁴, с чем нельзя не согласиться, этот тезис остается, как нам представляется, до конца не раскрытым.

Возвратимся вновь к ранее отмеченной логике *двух* (возможно, несколько утрированных, но весьма примечательных) подходов, которые можно с определенной долей условности назвать подходами Занга и Евстигнеевых, и суть которых может быть выражена (что и было сделано нами выше) в формулах: «от синергетики к экономике» и «от экономики к синергетике» соответственно. Если в рамках логики *первого* подхода (*синергетической экономики*) можно использовать арсенал разработок из различных областей науки применительно к одной из них – экономике, то в рамках логики *второго* подхода (*экономической синергетики*) требуется применить или распространить наработки одной из областей знания (экономики) ко многим сферам научного знания (синергетике как междисциплинарной науке). В таком понимании задача второго подхода представляется намного сложнее первого, особенно, в связи с болезнью и продолжающимся кризисом экономической теории²⁵ и, как следствие, невозможностью предложения четких и недвусмысленных понятий для их восприятия коллегами из смежных (и не только) областей науки и знания.

Понимая или чувствуя, что путь от экономики к синергетике долог и тернист (вспомним их же слова о «первых шагах экономической синергетики»), авторы суживают понятийное пространство своих построений: экономика – рыночная, социум – христианский, мир глобализации – американско-европейский, институты – романо-германские и англосаксонские. В таком контексте понятны безапелляционные утверждения относительно «универсальности рыночной экономики», «универсализма глобализации», «либерализации как знаковым явлении культуры постмодернизма» – во всех этих и подобных случаях экономика сведена к формуле «здесь и сейчас», причем так, словно остального мира – вне

²³ Там же. С. 248.

²⁴ Там же. С. 255.

²⁵ «Современная экономическая наука больна» (*modern economics is sick*) – такими словами характеризует ее состояние известный методолог экономики М. Блауг: *Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18. No. 17. P. 3–8* [Reprinted in Uskali Maki (ed). *Fact and Fictions in Economics: Models, Realism and Social Construction. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2002*]. Сделаем также отсылку к трудам В.М. Полтеровича, в частности: *Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998.*

христианства и рынка, да и Европы с Северной Америкой – и вовсе не существует. *Тактика* подобного подхода понятна, но она скорее опрощает, чем упрощает авторский замысел, внося непредвиденные корректировки в *стратегию* построения теории экономической синергетики, мыслимой изначально – иначе не стоило бы браться за такое тернистое предприятие – как универсальная. В итоге противоречие между универсальностью задуманной стратегии и сингулярностью реализуемой тактики приводит, если и не к снижению ценности работы, то к необходимости проявления со стороны читательской аудитории особой избирательности и изобретательности. «Не выплеснуть с водой младенца» – вот что требуется от читателя. На этом стоит особо остановиться, ибо, как показало обсуждение доклада Евстигнеевых, даже такой подготовленный читатель и авторитетный ученый, как В.Н.Лившиц, остался при мнении, что «если слово “синергетика” выкинуть из текста доклада (цитирую: «лучшее из того, что я слышал за последнее время» – Б.Е.) ничего не изменится»²⁶.

А как быть читателю, пусть и добросовестному, но не столь продвинутому и терпеливому? Думается, авторы продолжают свою работу в направлении, способствующему большему продвижению своего замысла и, как следствие, лучшему пониманию читателем элементов экономической синергетики. На что стоило бы обратить внимание, так это на решение следующих вопросов.

Во-первых, не следует искусственно суживать авторскую позицию по отношению к объекту и предмету своего исследования. Сила синергетической экономики как раз и состоит в том, что она позволяет подойти к экономике с самых широких позиций, благодаря привнесению в нее идей и понятий, выработанных в самых различных областях науки. Соответственно и сила экономической синергетики должна быть не меньше, и заключаться она должна, как нам видится, в приложении к синергетике наиболее общих понятий, выработанных экономистами – теоретиками и практиками – на протяжении веков и в различных странах, регионах, социумах и научных школах. Только в таком случае может быть обеспечена общность категориально-понятийного аппарата и мышления, позволяющего претендовать на универсальный характер формируемой – пусть во многом и интуитивно, методом проб и ошибок, озарений – теории.

Во-вторых, атрибут «экономический» применительно к синергетике должен быть по определению не только экономическим или не просто узко экономическим, он должен нести в себе черты и социума, в котором разворачивается экономическое действие, и институциональной среды, воздействующей на экономику как таковую и в свою очередь испытывающей ее обратное влияние на себя. В расчет должны приниматься различные формы экономического взаимодействия – рыночного, планового, дарения, конкурентного, кооперативного, смешанного. Религия, как один из основных общественных институтов,

²⁶ Из выступления В.Н. Лившица на обсуждении доклада Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых «Ментальность как категория экономической синергетики» (Институт экономики РАН, 22 апреля 2010 г.).

доставшихся нам в наследство от наших предков, не должна редуцироваться только к христианству, которая сама вмещает множество оттенков; более того, отрицание религии также должно иметь право на существование. Такова реальность, в которой мы живем, и теория, претендующая на роль универсальной, должна быть адекватной существующей (и отличавшейся большим разнообразием) реальности. Это особо актуально применительно к «становлению российской экономики как синергетической системы», редукция которой, будь проект экономической синергетики реализован, до одной лишь составляющей – то ли религиозной конфессии, или регионального образования, или социальной страты, или этнической общности, или партийной группы etc. – чревата серьезными искажениями и перекосами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В-третьих, говоря о ментальности, об общественном сознании, авторы неявно исходят из того, что оно – если вопрос о существовании общественного сознания, который, собственно, и не рассматривается, оставить в стороне – едино и стабильно. Такое допущение возвращает нас к дискуссиям более чем тридцатилетней давности и к непреодолимым проблемам, с которыми столкнулись сторонники общего равновесия, когда выяснилось, что единственность и стабильность гарантированы лишь при наличии весьма строгих ограничений таких, как предположение о «поведении общества как целого, словно оно является единым индивидом»²⁷. Попытки решения проблем неединственности и нестабильности привели к раздроблению проекта построения экономики общего равновесия и к исследованиям по формированию микроскопических оснований экономики²⁸.

Если к этому добавить также достижения не только современной, по преимуществу неортодоксальной, экономики, но и, скажем, связанной с нею социологической²⁹ и философской³⁰ мысли, то вполне естественно будет пожелать Евстигнеевым в дальнейших исследованиях учесть сложное устройство общества [и его сознания, каковым бы оно ни было] и включить в анализ стратифицированное общественное сознание – тем более, что только такая постановка и адекватна реалиям современной России, лишь она способна отвечать сложившимся в стране условиям.

В-четвертых, необходимо прояснить все вопросы, связанные с типом «экономико-синергетического» человека. Каким он должен быть? Каково должно быть его поведение? Поскольку теория Евстигнеевых находится в стадии формирования, необходимо заложить в ее фундамент постулаты человеческого поведения, свойственные этой теории. Чтобы лучше понять (и на основании этого высказать свои рекомендации и пожелания) позиции

²⁷ Hodgson G.M. Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? // Evolutionary and Institutional Economics Review. 2007. Vol. 4. No. 1. P. 8.

²⁸ Kirman A.P. The Intrinsic Limits of Modern Economic Theory: The Emperor Has No Clothes // Economic Journal (Conference Papers). 1989. No. 99. Pp. 126-139; Rizvi S.A.T. The Microfoundations Project in General Equilibrium Theory // Cambridge Journal of Economics. 1994. Vol. 18. No. 4. Pp. 357-377.

²⁹ См., напр.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры. М.: Академический Проект, 2005.

³⁰ См., напр.: Searle J.R. The Construction of Social Reality. London: Allen Lane, 1995.

авторов экономической синергетики, обратимся к другому автору – Зангу с его синергетической экономикой в качестве фона или исходного пункта размышлений, и сделаем это в аспекте осмысления динамики человека.